

Актер Михаил Нильский

Правда не стареет. Правда жизни всегда молода. Поэтому и актер, стремящийся стать ближе к действительности, актер правдивых реалистических красок—всегда дорог и близок нашему зрителю.

Таким мы видим сегодня Михаила Николаевича Нильского на сороковом году его яркой и значительной творческой жизни в сложном жанре искусства — музыкальной комедии.

Всегда молодой, чутко отзывающийся на каждое событие общественной жизни, Нильский создает портреты своих сценических героев, неизменно отбирая для их характеристики черты наиболее типические и жизненно верные.

Нильский—художник—непримиримый враг внешних приемов характеристики, ложной театральности, штампов. Мягкость и простота, большая пылкость ума, яркая фантазия отличают его, как мастера сцены.

Никогда не уходя от жанра, Нильский остается в искусстве актером строго реалистической школы. И хотя роли, которые играет Михаил Николаевич, и его основное амбула — комика — легко бы могли повести актера по линии гротеска, фарса, буффонады — Нильский, всегда верен внутренней природе своих героев, наделяя их жизненно оправданной, психологически выразительной характеристикой.

Таков кулак Филимон Шик в «Трембите», выглядящий отнюдь не опереточным протаском, не елейным и не сладеньким героем, а сильным, жестоким и хитрым врагом, для которого игра в христианское миролюбие является только лишь удобной маской. Зритель воспринимает ухаживание Филимона Шика за Парасей Никаноровной, как желание пристроиться, чтобы легче было вредить строителям новой жизни. Животный страх, нападающий на Филимона Шика, когда он чувствует, что пойман, — возбуждает в зрителе отвращение, гадливое чувство.

Совершенно отличными красками рисует Нильский председателя колхоза в «Свадьбе с приданым». Это человек несомненно преданный партии, большой работяга, но у него свои слабые стороны — любит выпить, попаннибратствовать за выпайкой, забывая о своей руководящей роли. Убедительно показывает Нильский перестройку психики своего героя, глубоко осознавая свои ошибки и, когда в центральной сцене с парторгом произносит фразу «Гони меня в шею» — он говорит эти слова с большим чувством правоты тех, кто указал ему на эту ошибку, и желанием честно исправить ее.

Тепло и любовно изображает Нильский шутника и балагура кинто из «Кето и Котэ», с его чисто народной смекалкой, лукавством, изворотливостью, нескрепаемой жизнерадостностью и выразительным национальным колоритом.

И тут же неповоротливый, добродушный, весь пронизанный народным украинским юмором Каленик из «Майской ночи». Какое разнообразие и богатство красок в изображении героев!

Одна черта особенно значительна в Нильском, как в актере театра музыкальной комедии, это его необыкновенная пластичность. Но пластичность актера не существует сама по себе, а тесно связана с пластическим рисунком сценического образа. Так, например, пластичность кинто у Нильского совершенно отлична от танцевальности городского рабочего Ефима Захарыча из «Моей Гюзели».

И как бы ни выступал Нильский — будь то в куплете, дуэте, в ансамбле — он предельно выразительно донесет до зрителя каждую фразу текста.

Нильский не умеет да и не хочет выпячивать себя в спектакле. Весь смысл его сценической жизни в том, что образы, создаваемые им, находятся в полном соответствии с идейной устремленностью и образной системой всего спектакля. Отсюда и тесное чувство локтя, живое ощущение партнера, столь характерное для Нильского-исполнителя.

Остро-сатирически развенчивая Филимона Шика, разоблачая его, Нильский в дуэте Филимона с Парасей Никаноровной заставляет зрителя явственно ощутить мысли своего героя, глубоко вскрывает подтекст каждой фразы. «Ласточка моя! Цесарочка моя» — эти ласкательные эпитеты звучат в устах кулака мертво и вяло, тогда как он осторожно нащупывает почву сближения с хозяйственной и состоятельной, на его взгляд, женщиной.

Медленно и вкрадчиво осведомляется Филимон Шик у Параси Никаноровны:

— И дом не отбирают? И землю не отбирают?

И, получив утвердительный ответ, Филимон Шик неожиданно потрясает слух ликующим возгласом: «Ласточка моя! И еще цесарочка!». Это умение вскрыть хищническую, стяжательскую природу врага и найти комедийную разрядку сразу же после его разоблачения идет от природы жанра, верно понятой исполнителем.

Такова и блестяще сыгранная Нильским сцена вранья в «Моей Гюзели». Ефим Захарыч, честный заводской рабочий, положительный человек, лжет не самовлюбленно и не с упоением хвастуна. Зритель понимает, что Ефим Захарыч поставлен в такие условия, что не лгать ему нельзя, ибо в противном случае он не окажет нужной помощи хорошему человеку. И Ефим Захарыч — Нильский лжет, как бы обжигаясь каждым сказанным словом. Лжет — и ему невыразимо стыдно перед почтенными стариками, которых он уважает, и которые верят этой лжи.

Совершенно исключительным в творческой биографии Нильского является образ фельдмаршала Кутузова, созданный им в спектакле «Голубой гусар».

Ум полководца, железная воля, любовь к Родине, необычайная доброта и требовательность к себе и к окружающим, обаятельная скромность — вот черты, которые рисуют облик Кутузова.

Предельная скупость жеста, величавое спокойствие, разлитое во всем облике великого полководца, сообщают фигуре Кутузова монументальность, уверенность. Финальная фраза Кутузова о русских женщинах, способных на подвиг, на героизм, на чувство глубокой любви к отчизне становится кульминацией в идейном решении образа.

Особенно сильно проводит Нильский сцену, в которой Кутузов узнает о том, что корнет Азаров — девушка. Он страшится этого открытия, его буревает гнев, но когда Шура Азарова входит — он умеет скрыть волнение и гнев, «вогнать» их внутрь. Глубоко взволнованный патристическим подвигом девушки, он тронут ее отчаянием, и сколько ласки в его руке, задрожавшей от отцовского желания приласкать ребенка! От гнева военачальника — котцовской ласке, к глубокому волнению и гордости за русскую женщину, совершившую подвиг, — вот путь Нильского в решении образа, который говорит о подлинном драматическом таланте и мастерстве.

— Помню свои первые шаги на сцене, — рассказывает Михаил Николаевич. — Никакого специального образования я не получил. Моей театральной школой была наглядная учеба у больших мастеров искусства, с которыми мне приходилось работать. Целыми часами я простаивал за кулисами театра и учился, как надо играть, изображая на сцене правду самой жизни.

Начинал свою сценическую деятельность Нильский в Воронеже, в любительских кружках. По окончании Воронежской гимназии поступил на юридический факультет Харьковского университета. Отсутствие средств на дальнейшее обучение заставляет его оставить учебу. В 1914 году Михаил Николаевич попадает в Харьковский театр «Миниатор» статистом. С этого момента начинается его сценическая деятельность. В оперетту Нильский приходит в 1918 году и уже не покидает ее, сыграв свыше 150 ролей классического, а потом советского репертуара. Уже первые отзывы прессы отмечали яркую одаренность Нильского, реализм изображения, отход от привычных опереточных канонов.

Такие спектакли, как «Сорочинская ярмарка», «На берегу Амура», «Свадьба в Малиновке», поставленные в свое время М. Нильским, говорят о пристальном внимании к современности, об умении вдохновить коллектив актеров на правильное решение идейно-художественных задач.

— Я никогда не успокаивался на достигнутом, — замечает М. Нильский. — Мне всегда казалось, да и теперь кажется, что все, что я делаю, можно сделать еще лучше, еще совершеннее и, пробыв столько лет на сцене, я считаю, что нужно еще учиться. Не сделаешь этого — отстанешь.

Это — голос коммуниста, одного из лучших общественных театров, голос творческой молодости, открытой успехами социалистической Родины.

Б. РОМАНОВА.